
Концепт «самодержавие народа» в политической риторике большевиков и народнические истоки большевизма

© 2020 г. А.В. Никандров

*Московский университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Ломоносовский пр-т, д. 27, кор. 4.*

E-mail: bobbio71@mail.ru

Поступила 20.02.2020

Статья посвящена истории необычного концепта из лексикона народовольцев и затем большевиков – «самодержавие народа». Автор раскрывает предысторию появления этого концепта в Первой программе РСДРП. Тихомиров и другие идеологи «Народной воли» активно использовали концепт «самодержавие народа» в своей политической риторике. Изначально концепт в его народовольческой постановке был близок к руссоистской трактовке и сливался по смыслу с народовластием, понимаясь как осуществление воли народа. Г.В. Плеханов, подвергая критике произведение идейного лидера «Народной воли» Л.А. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?» (1884), в своей работе «Наши разногласия» (1884) заимствует из нее концепт «самодержавие народа» и берет его на вооружение в свою теорию. В программе РСДРП концепт синонимизировался с демократической республикой и носил антисамодержавный характер. Он был поддержан В.И. Лениным, которого привлекли широкие возможности его использования в партийной риторике.

Ключевые слова: самодержавие народа, РСДРП, диктатура пролетариата, демократическая республика, марксизм, В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, Я.М. Магазинер, Л.А. Тихомиров, народничество, «Народная воля».

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-122-133

Цитирование: *Никандров А.В.* Концепт «самодержавие народа» в политической риторике большевиков и народнические истоки большевизма // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 122–133.

Concept of “People’s Autocracy” in the Political Rhetoric of Bolsheviks and the Populistic Sources of Bolshevism

© 2020 Alexey V. Nikandrov

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy av. Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation.

E-mail: bobbio71@mail.ru

Received 20.02.2020

The article is devoted to the history of one unusual concept from the lexicon of the Narodniks and then the Bolsheviks – the “people’s autocracy”. The author reveals the background of this concept in the First program of the RSDLP. Tikhomirov and other theorists of the “Narodnaya Volya” actively used the concept “people’s autocracy” in their political rhetoric. Initially the concept was similar to the russoistic interpretation and synonymized with “democracy”, understood as the accomplishment of the will of the people. G.V. Plekhanov in his book “Our Differences” (1884) criticizes the article of the ideological leader of the “Narodnaya Volya” L.A. Tikhomirov “What Can We Expect from the Revolution?” (1884). However, at the same time Plekhanov enriches his theory with this populist term, borrowed from this work of Tikhomirov. In the program of the party, the concept was synonymized with the democratic Republic and had an anti-autocratic sense and character. It was supported by V.I. Lenin, who was attracted by the wide possibilities of its use in party rhetoric.

Keywords: people’s autocracy, RSDLP, dictatorship of the proletariat, democratic republic, Marxism, V.I. Lenin, G.V. Plekhanov, Magaziner Ja.M, L.A. Tikhomirov, Populism (Narodnik movement), “Narodnaya Volya” (“People’s Will”).

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-122-133

Citation: Nikandrov, Alexey V. (2020) “Concept of ‘People’s Autocracy’ in the Political Rhetoric of Bolsheviks and the Populistic Sources of Bolshevism”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2020), pp. 122–133.

«Самодержавие народа» – это «ударный концепт», активным образом использовавшийся в политической риторике партий, движений и сил, противостоящих российскому самодержавию в конце XIX – начале XX в. Сильное звучание обеспечивало этому концепту достаточно успешное применение в антисамодержавной риторике. Воскрешался образ «самодержавного народа», «народа-суверена» (*People sovereign*) из бессмертного *Contrat Social* Жан-Жака Руссо. С особой мощью звучал этот концепт-лозунг в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.: «самодержавие народа» против «самодержавия царя»!

Ленин и Первая программа РСДРП

«Самодержавие народа» мы встречаем в тексте Первой программы РСДРП, принятой на ее II съезде (1903 г.). В первоначальном проекте программы, составленном Г.В. Плехановым (январь 1902 г.), предлагается такая формулировка: «...Русские социал-демократы ставят своей ближайшей политической задачей низвержение монархии и замену ее республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1. *Самодержавие народа*, т.е. сосредоточение всей верховной власти в руках законодательного собрания, составленного из народных представителей...» [Ленинский сборник 1924, 18–19]. Как видно, «самодержавие народа» и «республика» не синонимизируются, но, наоборот, разводятся, – между ними устанавливается *дистанция*. И в последующих вариантах начала программы-минимум составители упорнейшим образом избегают отождествления «самодержавия народа» и «(демократической) республики». Это и понятно, ведь по самому смысловому наполнению и по источнику (Руссо) «самодержавие народа» контрастирует с демократической республикой, вообще с идеями парламентаризма и правового государства. Хотя в революционной риторике времен 1905–1907 гг. «самодержавие народа» и отождествлялось именно с демократической республикой, а ставилось рядом с Учредительным собранием, в самих словах – *самодержавие народа* – чувствовался пафос куда как более высокого плана.

В принципе, на первый взгляд не очень-то и ясно, зачем в программе выдвигается это непонятное «самодержавие народа», но поставлен этот концепт как самоценный *принцип*. Как известно из истории, по поводу текста программы состоялась яростная схватка между Плехановым и Лениным, но программно-политические баталии не коснулись формулировки программы-минимум в части, содержащей *принцип* «самодержавия народа». Ленинская правка этого пункта неожиданно минимальна: в своем контрпроекте вместо «низвержения монархии» предложил «низвержение царского самодержавия», что более логично: низвергнув самодержавие *царя*, устанавливается самодержавие *народа*, то есть происходит революционная «замена суверена».

Форма государства после «низвержения монархии» – это демократическая республика, *содержанием* которой является «самодержавие народа». Если «самодержавие народа» и «демократическая (или парламентская) республика», отождествляются, то зачем нужна необычная, усложненная ступенчатая формулировка ближайшей политической задачи, тем более что от программы требуется полная ясность, четкость постановки, но никак не тонкая нюансировка? *Впечатление* такое, что составители программы хотели идти в ногу с западной социал-демократией, но в то же время не оставить в стороне и своеобразия России; и в силу такой задачи введением концепта «самодержавие народа» подчеркивали цивилизационное отличие России от Европы, а неявным реверансом Руссо акцентировали и некоторую их цивилизационную близость. Возможно, такие соображения имели место, но отнюдь не по причине «цивилизационной учтивости» сошлись вместе в одобрении «самодержавия народа» Плеханов и Ленин.

Полемика на II съезде РСДРП показывает неоднозначное отношение его делегатов к плехановско-ленинскому концепту. На одном из заседаний, посвященном обсуждению программы, разгорелась дискуссия. К.М. Тахтарев (Страхов), предлагая заменить «самодержавие народа» словами «верховенство народа», заметил, что речь идет «о самодержавии парламента или, вернее, о верховенстве народа при посредстве самодержавия парламента. Поэтому термин “самодержавие народа” в применении к данному случаю является неудачным и юридически неправильным». – Понятно, что если иметь в виду исключительно парламентарную республику западного типа, термин «самодержавие народа» и в самом деле поставлен не на свое место. – С.И. Гусев, поддерживая Страхова, заметил: «Мы во всех своих прокламациях восклицаем: “Долой самодержавие!”», и этим как бы хотим самое слово “самодержавие” сделать ненавистным народу». – На что Ю.О. Мартов возразил в том ключе, что, наоборот, «выставление принципа *самодержавие народа* против принципа *царское самодержавие* имеет агитационное значение» [Второй съезд РСДРП 1905, 179–180].

На другом заседании дискуссия о «самодержавии народа» продолжилась. Страхов вновь настаивал на замене «самодержавии народа» – «народовластием». Он предлагал «после слов “низвержения самодержавия” читать “и заменой его народовластием». Поэтому своим первым политическим требованием РСДРП ставит созыв Учредительного собрания, свободно избранного всем народом». – Он мотивирует свое предложение «тем, что созыв Учредительного собрания еще не обеспечит нам наших

стремлений, и лишь народовластие гарантирует нам их торжество». – Страхов ссылается на то, что «формулировка Плеханова “народное самодержавие” неудобна, – отдает народничеством». – В самом деле, формулировка вносила некоторую неясность: так, В.П. Акимов задает вопрос: «Я просил бы мне разъяснить, что подразумевается под выражением “самодержавие народа”? Та ли власть, которая нами будет завоевана в ближайшую революцию, или та, которая явится в результате социальной революции. Если первое – я думаю, что именно первое, – то как совместить с этим требование диктатуры пролетариата. Будем ли мы ее добиваться для того, чтобы отменить самодержавие народа?» [Второй съезд РСДРП 1959, 254–255]. Как видно, затемненная формулировка не позволяла некоторым участникам дебатов по программе даже *строго* поставить «самодержавие народа» в отношении цели – то ли это демократическая республика, первый шаг на пути к диктатуре пролетариата; то ли это политическое состояние будущего, которое явится *после* диктатуры пролетариата...

Несмотря на разногласия, споры и неясности, в итоге плехановско-ленинская формула «самодержавие народа» вошла в Первую программу партии. Вместо того чтобы оставить демократическую республику как цель-минимум, как «политический трамплин» для грядущей диктатуры пролетариата, два *марксиста* выставили и провели довольно *антимарксистски* звучащий концепт в программу *марксистской* партии. Нетрудно понять некоторую растерянность партийных теоретиков. Помимо политической нечеткости и доктринальной неопределенности, отмеченной Страховым и Акимовым, окончательная формулировка благодаря внесению в нее «самодержавия народа» приобретает несколько тавтологичный вид: предлагаемая форма государства после свержения монархии – демократическая республика, сущностью которой является «самодержавие народа», которое определяется как... демократическая республика. Уже из этого ясно, что выдвиганием «самодержавия народа» Ленин (и, пожалуй, только он) решал отдаленные по времени цели, смотрел «за горизонт», и поэтому ему нужна была именно многозначная, обтекаемая, расплывчатая – и в то же время необычно сильно звучащая формула-лозунг. Ильичу была нужна формула, в которой неявно, но в то же время отчетливо (при изменении *оптики* в нужном ракурсе) высвечивалась бы роль *государства*; формула, которую можно транслировать на все классы (если уж и «идти во все классы»).

Легко увидеть и подвергнуть критике всю неясность, всю многосмысленность концепта «самодержавие народа», но ведь в этой многозначности скрыта и политическая многопотенциальность, и это помимо отмеченных Мартовым агитационно-пропагандистских возможностей. При агитационной работе с российским крестьянством непросто разъяснить, что такое «демократическая республика», и тем более, что такое «правовое государство», представительство и т.д. Формула же «самодержавие народа» в принципе позволяет сделать цель партии понятной (или создать такую видимость) – как тут не вспомнить, как в 1907 г. Плеханов в одном из выступлений говорил: «Рассказывают, что чуть ли не накануне взятия Тюильри Робеспьера спросили, республиканец ли он. Не желая запугивать своих слушателей, еще не окончательно разделавшихся с монархическим предрассудком, он осторожно ответил: я за самодержавие народа» [Плеханов 1926^a, 389]. Кто же будет *против* самодержавия народа?

Самое ценное в концепте на момент его принятия – это, безусловно, его антисамодержавное звучание, апелляция к народу («народу-суверену»!). В революционные 1905–1907 гг. Ленин активно использует разрушительные потенции необычного концепта: «Революционный народ стремится к самодержавию народа, все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя» [Ленин 1960^a, 128], – пишет он в 1905 г. Не отстает от Ленина и Сталин, в речи 1905 г. восклицая: «Царь и народ, самодержавие царя и самодержавие народа – два враждебных, диаметрально противоположных начала» [Сталин 1951^a, 193]. – Или в 1906 г.: «Одно из двух: **либо** победа революции и самодержавие народа, **либо** победа контрреволюции и царское самодержавие» [Сталин 1951^b, 251]. «Самодержавие народа» против «самодержавия царя», «самодержавие народа» как призыв к бунту, революции!

Нет сомнений в том, что простое выражение «власть народа», или «народовластие» (то, что предлагал Страхов), не звучит так «агитационно», так сильно; наконец, так «антисамодержавно», – как «самодержавие народа». К тому же формула «народовластие» не открывает сколь-либо широкого концептуального и пропагандистского простора, тогда как формулу «самодержавие народа» можно реконцептуализировать в необходимом в конкретный момент ключе; с помощью этой формулы можно закрыть любого рода концептуальный вакуум. Ленин и Плеханов тогда понимали, что «низвержение самодержавия» может означать на некоторое время наступление хаоса, а в это время едва ли будут популярны идеи демократической республики и Учредительного собрания; зато могут потребоваться сильные сдерживающие от скатывания в хаос концепты и лозунги, близкие по смыслу к диктатуре, – вот тогда и могут быть использованы этактистские и «диктаторские» потенции концепта «самодержавие народа».

«Самодержавие народа» позволит оттеснить (на требуемое время) на периферию дискурса и полемики также и марксистский догмат классовой борьбы. Когда мы говорим «самодержавие народа», то представляем народ единым, не имеющим внутри себя фундаментальных политических разделений и противоречий. Но вот, допустим, нет нужды скрывать требование диктатуры пролетариата, и нужно представить «самодержавие народа» как диктатуру, то есть «самодержавие» (разумеется, определенного класса) на ограниченное время. При концептуальной трансформации в определенном ключе формула «самодержавие народа» разворачивается в громоздкую, но вполне сбалансированную и, главное, революционно звучащую конструкцию – «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»; затем эта конструкция очищается от лишних элементов и превращается сначала в «диктатуру пролетариата и крестьянства» и затем в искомую «диктатуру пролетариата» (так получается система концептуальных «уравнений»). Для этого достаточно провести реконцептуализацию – свести «народ» к «крестьянству и пролетариату», а затем к одному лишь «пролетариату» (что Ленин в дальнейшем и сделает). Формулой «самодержавие народа» можно только «замаскировать», «оттенить» диктатуру пролетариата, – но и (в других обстоятельствах) ее же усилить, если нужен дополнительный концептуальный механизм для «подстраховки», а то и для усиления ригоризма.

Я.М. Магазинер называет «самодержавие народа» – эластичной, многовещающей, многообъемлющей формулой [Магазинер 1907, 10, 12]. Но он и не подозревал, насколько. При усилении одного из компонентов смысл меняется: усиливаем «народ» – получаем почти анархию, бунт, революцию, народную стихию (народ без царя!); усиливаем «самодержавие» – получаем вполне этактистскую формулу, не противоречащую идее монархии; демократическая республика пролегалает где-то между этими крайними точками. В какую сторону усилить – решают задачи момента (или стратегии). Концепт эластичный, – но «упругий»: довести смысл до крайних пределов невозможно: «самодержавие» и «народ» уравновешивают, сдерживают друг друга.

Конечно, почти любой политической концепт можно трактовать по-разному, но в данном случае концептуальная многопотенциальность заложена изначально. Впрочем, если говорить о равновесии и балансе, то следует отметить принципиальное в программном ключе соображение: для Ленина как творца партийной программы важно было концептуально «уравновесить» требование «низвержения царского самодержавия». Любая политическая концепция, конструкция, программа и пр. – это идейная система, и как таковая она необходимым образом должна быть внутри себя системой идейных «сдержек и противовесов». Поэтому чем крупнее выставляется цель, тем более крупным должен быть и противовес. Ясно, что «демократическая республика» не может быть выставлена как противовес самодержавию – слишком уж она «легковесна».

О лежащей «на поверхности» возможности отождествления «самодержавия народа» и демократической республики, прямо проведенной в программе партии, уже было сказано. Вот в работе 1905 г. Ленин пишет: «Ведь слово “демократ” и по грамматическому смыслу и по политическому значению, приданному ему всей историей Европы, означает: сторонник самодержавия народа». – И далее, разворачивая постановку

об Учредительном собрании из 1-й программы партии: «Что такое “всенародное учредительное” собрание? Это такое собрание, которое, во-первых, действительно выражает волю народа... Это такое собрание, которое, во-вторых, *действительно имеет силу и власть* “учредить” государственный порядок, обеспечивающий самодержавие народа» [Ленин 1960^b, 274]. – Или Сталин в те же годы: «Одно из двух: либо мы должны отвергнуть самодержавие народа (демократическую республику) и удовольствоваться конституционной монархией, – тогда мы вправе будем сказать, что не наше дело организовывать вооруженное восстание, либо же мы по-прежнему должны нашей сегодняшней целью поставить самодержавие народа (демократическую республику) и решительно отвергнуть конституционную монархию...» [Сталин 1951^b, 268–269].

А вот как Ленин и Сталин разворачивают формулу «самодержавие народа» в направлении диктатуры пролетариата. В том же 1905 г. Ленин, представляя себя как «демократа» (то есть «сторонника самодержавия народа»), говорит: «Завоевавши самодержавие народа, мы должны его отстоять – а это и есть революционно-демократическая диктатура. Бояться ее нет никаких оснований. Завоевание республики – гигантское завоевание для пролетариата, хотя для социал-демократа республика не “абсолютный идеал”, как для буржуазного революционера, а лишь гарантия свободы для широкой борьбы за социализм». – «Но если самодержавное правительство будет действительно свергнуто, то оно должно быть заменено другим. А этим другим может быть лишь временное революционное правительство. Оно может опираться только на революционный народ, т.е. на пролетариат и крестьянство. Оно может быть только диктатурой, т.е. организацией не “порядка”, а организацией войны» [Ленин 1960^a, 129]. Самодержавие народа, временное революционное правительство, революционно-демократическая диктатура (пролетариата и крестьянства) идут в одной связке, единым каскадом. Сталин в работе 1907 г. доводит линию сведения «самодержавия народа» к диктатуре пролетариата *почти* до конца, применяя оригинальный концептуальный гибрид «диктатура (самодержавие) пролетариата и крестьянства» (аналог ленинской «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»): «Кто должен взять в руки власть во время революции, какие классы должны стать у кормила общественно-политической жизни? – Народ, пролетариат и крестьянство! – отвечали и теперь отвечают большевики. По их мнению, победа революции – это диктатура (самодержавие) пролетариата и крестьянства... Меншевики отвергают самодержавие народа и до сих пор не давали прямого ответа на вопрос, кто же должен взять в руки власть» [Сталин 1951^c, 20]. Учítывая, что народ в понимании Сталина и Ленина есть «пролетариат и крестьянства», сталинская конструкция «диктатура (самодержавие) пролетариата и крестьянства» может быть прочитана и как «самодержавие народа» / демократия / республика; и как... диктатура пролетариата. Так немарксистская формула «самодержавие народа» с помощью непростых, надо отдать должное лидерам большевиков, концептуальных операций преобразуется в классическую марксистскую формулировку «диктатура пролетариата».

Марксистская постановка терминологии не позволяла Ленину пойти до конца – заменить в формуле *самодержавие народа* «народ» на «пролетариат». Но вот в 1907 г. появляется книга Я.М. Магазинера «Самодержавие народа. Опыт социально-политической конструкции суверенитета» [Магазинер 1907], в которой «самодержавие народа» отождествляется с не бытовавшим в тогдашней российской политической мысли за ненадобностью при самодержавном строе России западноевропейским концептом «суверенитет». Магазинер достраивает (конструирует, если говорить его же словами) концептуальную логику «самодержавия народа» до конца. Настоящее «самодержавие народа» в классовом обществе, пишет Магазинер, невозможно по определению, так что говорить можно сугубо о «самодержавии» конкретного класса: «...*Действительное самодержавие какого-нибудь класса* мирится лишь с *фикцией самодержавия всего народа*, поскольку эта фикция необходима для создания или упрочения его господства» [Там же, 111]. – Основой для осуществления самодержавия народа является пролетарская революция и установление диктатуры (или *самодержавия*: три слова – «власть»,

«самодержавие» и «диктатура» – стали исподволь отождествляться около тех лет) пролетариата, которое открывает путь к бесклассовому обществу, или *истинному* самодержавию народа: «Цель соц.-демократии – организация такого социально-политического строя, где экономическое равенство создает почву для равенства политического, то есть где весь народ, единый и однородный, будет определять направление и характер государственной жизни... Но такой строй может быть завоеван *лишь рабочим классом*, когда он достигнет политического господства. Следовательно, *политическое господство рабочего класса является предпосылкой осуществления самодержавия народа*. А раз это так, он должен стремиться к классовому господству... помня, что самодержавие народа в современном обществе есть самодержавие буржуазии, между тем как самодержавие пролетариата есть самодержавие народа» [Магазинер 1907, 129].

«Самодержавие народа» в манифесте Л.А. Тихомирова

Где же находит столь необычную, обладающую такими разнонаправленными концептуальными возможностями политическую формулу Плеханов? Русский марксист вводит в проект программы концепт, с которым познакомился при критическом разборе в своей работе «Наши разногласия» (1884) довольно влиятельного текста – агитационно-политического произведения Л.А. Тихомирова (1884), которое в свою очередь было своеобразным ответом на плехановскую же работу «Социализм и политическая борьба» (1883), являющуюся крупным манифестом его идеологического похода против народников и народолюбцев.

Тихомиров, согласно анализу Плеханова, исходит из того, что «верховная власть, по воззрениям народа, есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое» [Плеханов 1925^a, 282]. Уже на этапе споров о толковании названия революционного союза («Народная воля») Тихомиров определял *народную волю*, или *волю народа*, – именно как «*власть народа*» [Волк 1966, 97–98]. Из этого, по убеждению интеллектуального лидера «Народной воли», вытекал тезис о том, что временное правительство, учрежденное после захвата власти, своей целью имеет лишь «организацию народа» с тем, чтобы высвободить творческие силы, заключенные в нем. Иначе говоря, цель «Народной воли» – помочь «народному самодержавию» освободиться от гнета «самодержавия царя» и выступить на арене истории «от своего лица».

Народ – первоисточник власти (и этому постулату Тихомиров, по его собственному признанию, «горячий поклонник Руссо» [Тихомиров 2003, 189], не изменит); а русскому народу, полагал в народолюбческие годы Тихомиров, близка верховная власть, именуемая им «самодержавием народа» и трактуемая в стиле Руссо как «власть народа» (а этот постулат будет подвергнут глубокой переработке). Ведущий идеолог «Народной воли» выдвигает «народное самодержавие» в качестве принципа устройства российского государства, грядущего после уничтожения «самодержавия царя»: «Масса народа, сила громадная – каждый раз когда она сплочена, выдвинет и поддержит только такой строй, в котором будут осуществляться главные основы его миросозерцания: народное самодержавие в государственных отношениях, и организация земельных отношений на основании общенародного права на землю. В этом смысле *захват власти* социально-революционной партией вовсе не представляется ни фантастичным, ни бесплодным» [Тихомиров 1885, 22].

Пассаж из тихомировской работы – отнюдь не первый случай употребления выражений «народное самодержавие» (или «самодержавие народа») народолюбцами, использовавшими концепт-образ «народа-суверена» / «суверенного народа» (souveraineté du peuple) из лексикона Ж.-Ж. Руссо, потом – М. Робеспьера («Я не трибун, не защитник народа; я сам народ!») и Ж.-П. Марата («Встань же, народ-суверен!»), скорректированный применительно к российским реалиям в «самодержавный народ», в качестве ударного революционного антимонархического лозунга (собственно, так, как он у Руссо и сконструирован), наряду с концептами этого ряда – «народовластие», «власть народа» и пр. Мы встречаем этот концепт в народолюбческих документах,

написанных, как уже было подчеркнуто, при участии Тихомирова, если не им лично, начиная прямо с 1879 г., в точно таком же значении, – как власть народа, изначально ему принадлежащая, которую он вырывает силой обратно у самодержавного царя и энергично отстаивает. В одном из документов «Народной воли» от 1882 г. цель организации определяется как «Народоправление, переход верховной власти в руки народа. Задача партии – способствовать переходу и упрочению верховной власти в руках народа. <...> Решено было начать борьбу с правительством, отрицающим идею Народовластия безусловно и всецело» [Литература «Народной Воли» 1905, 583–584].

Впервые о «народном самодержавии» читаем в прокламации Исполнительного комитета «Народной воли» по поводу покушения на царский поезд в ноябре 1879 г.: «Александр II – главный представитель узурпации народного самодержавия...» [Там же, 168]. Нередко «народное самодержавие» упоминается и в последующие годы: так, в одном из сообщений ИК от 1880 г. автор, говоря о «превращении масс в сознательную политическую силу», продолжает так: «Вот почему мы постоянно говорили о передаче власти народу, о народной воле, о народном самодержавии» [Там же, 291]. «Самодержавие народа» противопоставляется «самодержавию царя» и утверждается как необходимое условие для социализма: «...Все, что разрушает самодержавие царя, ведет у нас роковым образом к выступлению на политическое поприще народных масс, ведет к самодержавию народа. Народное же самодержавие – это прямой предшественник социализма, потому что только в социализме масса народа находит одновременное осуществление своего экономического интереса и своей свободы» [Там же, 661].

Л.А. Тихомиров, да и остальные теоретики «Народной воли», по справедливому утверждению С.С. Волка, «хорошо не представляли себе будущего революционного государства. Недооценивали они и лозунг республики. Они мечтали сразу же создать общенародное государство, в то время как единственно возможным в то время было государство классовое. Они мечтали о социалистическом государстве, но в действительности в России могло утвердиться только государство буржуазно-демократическое...» [Волк 1966: 209]. После 1 марта 1881 г. стало понятно, что «свержение самодержавия» – всего лишь лозунг, а не программа: неясно не только, что будет потом, но и что, собственно, означает это «свержение». Впрочем, российская действительность едва ли поставляла доводы для приложения к ней марксистского анализа, скорее – для революционных доктрин, подобных построениям Ткачева и народовольцев. Проблема *“tendemain de la revolution”* (последствий революции) не имела теоретического разрешения, потому что была неверно сформулирована и поставлена, и так получалось, что любые программы и проекты антисамодержавных сил, партий и движений – по необходимости были утопиями, и дело шло лишь об их большей или меньшей эмоциональности, убедительности, но никак не о приложимости к реальному обстоянию дел (не говоря уж о воплощаемости на деле).

После 1 марта 1881 г., осознав, что цареубийство не могло привести к ожидаемому эффекту и дело не в царствующей личности, а в стоящем за ней государстве, которое она воплощает, Тихомиров и ряд других идеологов и теоретиков «Народной воли» усиливают «государственнический элемент» в своей доктрине и, подчеркивая приверженность цели государственного переворота, необходимости захвата государства в свои руки для установления желаемого курса (своеобразная «перенастройка государства» как единственного и всемогущего «мотора» российской жизни), отчасти склоняются к якобинизму в своей новой риторике; что же до «передачи власти народу», этот тезис затушевывается. В знаменитом «Письме Исполнительного комитета Народной воли заграничным товарищам», составленном Тихомировым в конце 1881 г., девизом которого служат слова «переворот государственный – это наше “быть или не быть”», говорится: «Что касается нашего якобинизма, то опять не знаем, как сказать. Беда с этими иностранными словами. <...> Во-первых, слово “якобинизм” в России очень загажено болтунами, а потому, что бы оно ни означало, мы себя якобинцами называть не согласны. Затем, мы по убеждениям и стремлениям государственники, т.е. признаем

за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность. Это сила, а потому она должна быть умно организована. Государственная власть была, есть и будет, вероятно, всегда. Поэтому мы обращаем на ее организацию такое же внимание, как на организацию экономических отношений. Революция совершится только тогда, когда власть эта будет в хороших руках, а посему мы и стремимся захватить ее, так как народ, пока он раб тысячи других условий, ее все равно не удержит» [Революционное народничество, т. II: 320–321]. Именно *эта* установка, которая в дальнейшем получит углубленную проработку в народовольческой мысли Тихомирова.

«Да вы настоящий народоволец!»

В «Наших разногласиях» Плеханов подвергает острой критике концепцию, изложенную в статье «*Чего нам ждать от революции?*». В зоне особого внимания Плеханова – народовольческий концепт Тихомирова «самодержавие народа» («народное самодержавие»). Идею о том, что «верховная власть есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое», идеолог марксизма отвергает «с порога»: «Этим-то убеждением в общенародном характере нашей верховной власти и укрепляется вера г. Тихомирова в недалекое торжество народоправления. Переход к последнему от самодержавия царей “не составляет чего-нибудь оригинального (?). Французский народ так же точно от идеи о самодержавном короле, способном говорить *l'état c'est moi*, перешел без затруднения (!) к идее о *peuple souverain*. Господство самодержавного народа там не могло фактически установиться, благодаря силе буржуазии”; у нас нет буржуазии, поэтому ничто не мешает у нас торжеству народоправления» [Плеханов 1925^a, 282].

Марксист Плеханов не мог принять теорию, не базирующуюся на аксиоме классовой борьбы, но исходящую из общенародных принципов или вообще апеллирующую к народу. Соответственно, гипотетический переход от «самодержавия царя» к некоему неопределимому в марксистской теории «самодержавию народа» – это для марксиста совершеннейшая бессмыслица, недостойная даже и того, чтобы говорить о ней. Буржуазная революция, пролетарская революция, диктатура пролетариата – таков, и только таков ход истории согласно марксистской мысли, не принимающей всерьез единства народа, сжигающей единство народа в вечном гераклитовском огне классовой борьбы.

Капитализма не миновать, утверждает Плеханов, восставая против постулирования Тихомировым «самодержавия народа» как будущего политического состояния России после переворота. «...Народ разочаровывается “в самодержавии царей” лишь там, где экономические отношения его утрачивают свой первобытный характер и становятся более или менее буржуазными; но одновременно с этим начинает приобретать силу и буржуазия, т.е. становится невозможным и непосредственный переход к самодержавию народа» [Там же, 286], – говорит Плеханов и выставляет кардинально важный тезис: когда «взаимные отношения общественных классов станут резко определенными, место “народа” займет рабочий класс, и народное самодержавие превратится в диктатуру пролетариата» [Там же, 287]. «Народное самодержавие» по неясной причине не закавычивается Плехановым, хотя логично было это сделать. Что же до сведения «народа» к «пролетариату» – эта идея будет в высшей степени развита Лениным и Сталиным (но первым, как видим, столь неожиданный теоретический скачок сделал Плеханов).

Итак, Г.В. Плеханов с марксистских позиций подвергает теоретическому разгрому идею народного самодержавия в манифесте Л.А. Тихомирова – классическое идейное столкновение идеологов марксиста и народовольчества, не более. Но при этом Плеханов выделяет формулу «самодержавие народа», ставит ее в особый порядок, откладывает в свой идейный багаж. В чем тут дело? *Каковы причины, побудившие отца русского марксизма не пройти мимо в высшей степени немарксистского концепта? Марксизм с его пролетарским гегемонизмом совершенно не приемлет никакого «самодержавия народа». Даже и в словесном отношении эта формула звучит как контрмарксистская (как и «всенародное государство»).* Несмотря на все это, Плеханов все же

берет ее на вооружение, при том, что в теории же для него «самодержавие народа», равно как и «диктатура народа», – одинаково бессмысленные словосочетания.

При всем ригоризме отрицания Плехановым народничества, нельзя сказать, чтобы в переходе к марксизму он полностью оставил идейную систему, которую разделял до марксизма; нельзя утверждать также и полное его «антинародовольчество»: недаром, видимо, однажды (в 1882 г., если точно) Тихомиров сказал ему: «Да вы настоящий народоволец!» (см.: [Тютюкин 1997, 79–80]). Глубинное, не изжитое до конца народничество продолжало довлеть над его политической мыслью, и причина притяния им народовольческой политической максимы «самодержавие народа» безусловно с этим связана. «Освобождение» от народнических идей проходило у Плеханова довольно-таки мучительно: ему до конца так и не удалось отвергнуть народничество и принять всецело марксизм. Именно отсюда проистекает, как представляется, известная догматичность плехановской мысли, отмечаемая многими современниками, особенно Тихомировым. Догматизм – хорошее лекарство от смятения мысли и сомнений, но мысль и сомнение все же сильнее «непререкаемых истин».

Но есть и одно конкретное обстоятельство. Плеханов искал замену тезиса о «прямом народном законодательстве», выдвинутом им в двух программах, разработанных и опубликованных в 1883–1888 гг.: «Программа социал-демократической группы “Освобождение труда”» (напис. в 1883 г., опубли. в 1884 г.) и «Второй проект программы русских социал-демократов» (напис. в 1887 г., опубли. в 1888 г.). Дело тут, понятно, не в простой «словесной рокировке». В первом документе Плеханов выдвигает тезис о неизбежности устранения в результате уничтожения капитализма «современной системы политического представительства и замены ее прямым народным законодательством» [Плеханов 1925^b, 358]. Во втором тексте идея разворачивается: «Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений. Заменяя современное господство продукта над производителем господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел. Это непосредственное участие граждан в заведовании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством» [Плеханов 1925^c, 400].

Лидер группы «Освобождение труда» в «Социализме и политической борьбе» называет источник идеи прямого народного законодательства – это малоизвестный даже в те времена немецкий социал-демократ Мориц Риттинггаузен, автор книги «Прямое законодательство»; понятно, что Плеханов, прикрываясь немецким идеологом, проводит концепт, созвучный народническим (то есть вполне дорогим ему) идеям. Одновременно – вспомним вышеприведенные слова Тихомирова «идеалом его были, конечно, немецкие социал-демократы» – Плеханов следует линии германской социал-демократии в поддержке постулата прямого народного законодательства, выставленного в Готской программе (1875), за которой в этом отношении последует Эрфуртская (1891). – И это то, против чего возвысил свой голос Маркс, который хотел бы видеть гегемоном политики и истории не некий непонятный для него и диффузный «народ», а единый в рамках европейской цивилизации мессианский класс – пролетариат.

Плеханов, надо полагать, из желания избежать критики, но не будучи в состоянии легко расстаться с тезисом «прямого народного законодательства», который явным образом контрастировал с максимой диктатуры пролетариата, искал замену, – которая уже была в его идеологическом багаже. Совершив вполне равнозначную (и даже более удачную по звучанию) замену, в 1902 г., разбирая значение программы группы «Освобождение труда» в «Комментарии к проекту программы РСДРП», Плеханов напишет: «Программа группы “Освобождение Труда” и до сих пор не может быть названа

устарелой. Правда, в ней есть два пункта, которые... не выдерживают критики с точки зрения “ортодоксального” марксизма: прямое народное законодательство и государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях нашего народного хозяйства» [Плеханов 1926^b, 213]. Иными словами, теоретик был вдохновлен идеей прямой демократии, но вынужден был заменить только ее словесную форму; второй пункт, надо заметить, также близок к народническим политическим установкам.

Но к чему такая «борьба за народ»? Разве народ – *idée fixe* для Плеханова? Разве Плеханов – подобно Руссо – поклонник античных политических форм, и над ним довлеют образы античной агоры? Если Тихомиров ставит народ на пьедестал истории, то для Плеханова, как и для любого марксиста, народ – не более чем фикция, а реальны лишь классы (прежде всего – пролетариат, «самый реальный» класс), – и так два мыслителя должны говорить на разных языках. Но вот, рассуждая о пролетариате и о подобающем ему будущем общественном устройстве, Плеханов возвращается к народу, требуя его «политического самодержавия». Общество грядущего торжества социализма рисуется у Плеханова в народнических тонах, иначе неясны причины его упорства в проведении и защите концептов «прямого народного законодательства» и «самодержавия народа».

Дело, конечно, не только в «подспудном народничестве» Плеханова, от которого тот хотел бы во что бы то ни стало открегиться. Дело тут еще и в том, что народничество, как результат идейно-политической трансформации славянофильства в основном за счет усиления «государственного подхода», в своих основных постулатах было крепко впечатано в политическую мысль России, глубоко укоренено в ней, выражало ее фундаментальные интенции, – так что при всем своем подчас навязчивом желании «европеизировать», «марксизировать» якобы «деспотичную» Россию, избавив русскую мысль от архаики и «иррациональности», Плеханов не удаляется от народничества настолько далеко, чтобы стать «чистым марксистом».

Что касается субстанциальной близости народничества, особенно народовольчества, и большевизма, – то серьезная постановка этой темы является, пожалуй, одной из самых сложных задач в науке об истории российских политических учений. Вскользь можно сказать разве что о том, что концептуальная и прямая текстуальная зависимость Ленина от народовольческих текстов – несколько большая, чем принято признавать; а также привести неожиданное высказывание Плеханова, сказанное в один из последних дней мыслителя: «Ленин, Троцкий и другие, двадцать лет шедшие с марксистами, в сущности, сделались народниками после Февральской революции. Они действуют по программе Л. Тихомирова...» [Бэрон 1998, 439].

Источники – Primary Sources in Russian

Волк 1966 – Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. М.; Л.: Наука, 1966 (Volk S.S. *People's Will*, in Russian).

Второй съезд РСДРП 1959 – Второй съезд РСДРП. Июль – август 1903 года. Протоколы / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1959 (*Second Congress of RSDLP. July-August 1903. The Protocols*, in Russian).

Ленин 1960^a – Ленин В.И. Доклад об участии социал-демократии во временном революционном правительстве 18 апреля (1 мая) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. 5-е изд. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1960 (Lenin V.I. *Report on Participation of Social Democracy in the Temporary Revolutionary Government, May 1, 1905*, in Russian).

Ленин 1960^b – Ленин В.И. Демократические задачи революционного пролетариата // Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. 5-е изд. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1960 (Lenin V.I. *The Democratic Tasks of the Revolutionary Proletariat*, in Russian).

Ленинский сборник 1924 – Ленинский сборник-II. Институт Ленина при ЦК РКП(б); под ред. Л.Б. Каменева. 3-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924 (*Lenin's Collection. No 2*, in Russian).

Литература «Народной Воли» 1905 – Литература социально-революционной партии «Народной Воли». [СПб.]: Типография Партии Социалистов-Революционеров, 1905 (*Literature of the Socialist Revolutionary Party "Narodnaya Volya"*, in Russian).

Магазинер 1907 – *Магазинер Я.* Самодержавие народа. (Опыт социально-политической конструкции суверенитета). СПб.: Издание Н. Глаголева, 1907 (*Magaziner Ja. People's Autocracy. The Trial of the Socio-political Construction of Sovereignty*, in Russian).

Плеханов 1925^a – *Плеханов Г.В.* Наши разногласия // *Плеханов Г.В.* Соч. В 24 т. Т. II / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л.: Госиздат, 1923 (*Plekhanov G.V. Our Differences*, in Russian).

Плеханов 1925^b – *Плеханов Г.В.* Программа социал-демократической группы «Освобождение труда» // *Плеханов Г.В.* Соч. В 24 т. Т. II / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л.: Госиздат, 1925 (*Plekhanov G.V. The Program of the Social Democratic Group "Emancipation of Labor"*, in Russian).

Плеханов 1925^c – *Плеханов Г.В.* Второй проект программы русских социал-демократов // *Плеханов Г.В.* Соч. В 24 т. Т. II / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л.: Госиздат, 1925 (*Plekhanov G.V. The Second Draft Program of the Russian Social Democrats*, in Russian).

Плеханов 1926^a – *Плеханов Г.В.* Речи на Лондонском съезде РСДРП 1907 года. Речь по отчету думской фракции // *Плеханов Г.В.* Соч. В 24 т. Т. XV / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л.: Госиздат, 1926 (*Plekhanov G.V. Speech at the Fifth Congress of the RSDLP on the Report of the Duma Fraction*, in Russian).

Плеханов 1926^b – *Плеханов Г.В.* Комментарии к проекту программы Российской социал-демократической рабочей партии // *Плеханов Г.В.* Соч. В 24 т. Т. XII / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л.: Госиздат, 1926 (*Plekhanov G.V. Commentary on the Draft Program of the RSDLP*, in Russian).

Революционное народничество 1965 – Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II: 1876–1882 гг. / Под ред. С.С. Волка. М.; Л.: Наука, 1954 (*Volk S. (ed.). Revolutionary Populism of 70ies of the XIX century. Vol. II. 1876–1882*, in Russian).

Сталин 1951^a – *Сталин И.В.* Тифлис, 20 ноября 1905 г. // *Сталин И.В.* Соч. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1951 (*Stalin I.V. Tiflis, November 20, 1905*, in Russian).

Сталин 1951^b – *Сталин И.В.* Современный момент и объединительный съезд рабочей партии // *Сталин И.В.* Соч. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1951 (*Stalin I.V. The Modern Moment and the Unity Congress of the Labour Party*, in Russian).

Сталин 1951^c – *Сталин И.В.* Самодержавие кадетов или самодержавие народа? // *Сталин И.В.* Соч. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1951 (*Stalin I.V. The Autocracy of the Cadets or the Autocracy of the People?*, in Russian).

Тихомиров 2003 – *Тихомиров Л.* Воспоминания. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003 (*Tikhomirov L. Memories*, in Russian).

Тихомиров 1885 – *Тихомиров Л.* Чего нам ждать от революции? СПб.: Издание группы типографчиков Народной Воли, 1885 (*Tikhomirov L. What Can We Expect from the Revolution?*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Бэрн 1998 – *Бэрн С.Х.* Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб.: Российская национальная библиотека: Дом Плеханова, 1998.

Тютюкин 1997 – *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997.

References

Baron, Samuel (1963) *Plekhanov. The Father of Russian Marxism*. Stanford, 1963 (Russian Translation).

Tyutyukin, Stanislav V. (1997) *G.V. Plekhanov. The Fate of the Russian Marxist*. ROSSPEN, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

NIKANDROV Alexey V. – CSc in Political Science, Associate Professor at Department of Philosophy of Politics and Law of Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University.